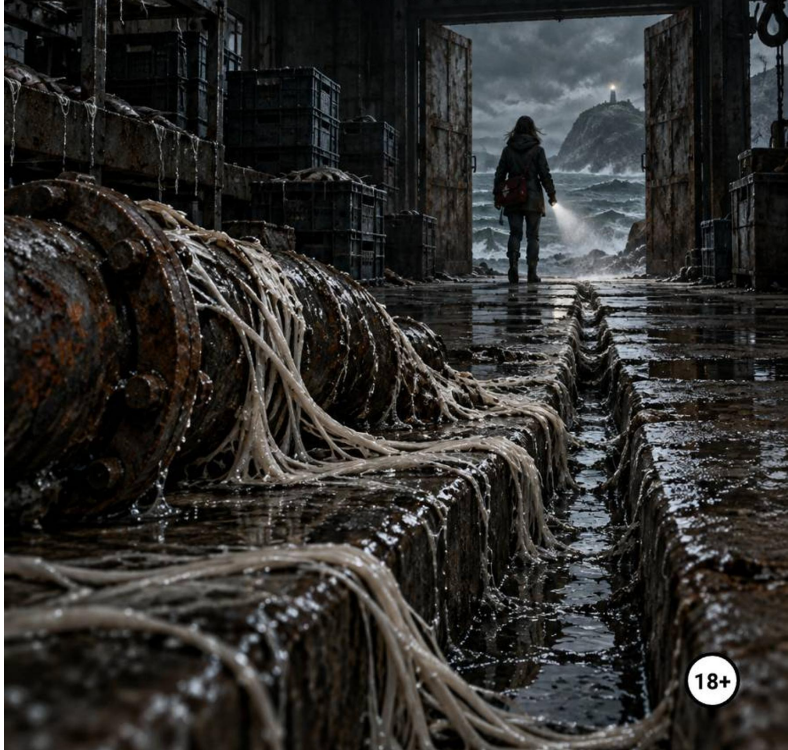

ЮЛИЙ ГУМАНОВ

БЕЛЫЙ ШОВ

РОМАН УЖАСОВ

18+

Юлай Туманов

Белый шов

<https://litres.ru/74670928>

SelfPub; 2026

Аннотация

Брат Веры присылает фотографию мокрых белых нитей с человеческим ногтем и просит об одном: не включать насос. Через минуту связь обрывается. Фельдшер едет на заброшенный рыбный завод «Плавник», стоящий у Белой Косы, чтобы найти брата до прилива.

В цехах начался демонтаж. Из сливных каналов выползают тонкие волокна, похожие на обрывки сети. Они движутся по мокрому бетону, цепляются за одежду и затягиваются на живом теле. Пока люди спорят о том, что скрывается под заводом, море отрезает дорогу на берег.

Вере, гидробиологу Полине и оставшимся рабочим придётся разобраться, как выживает эта колония, и найти выход из здания, где каждый ручей становится путём для охоты. Морской хоррор о спасении близких, чужих ошибках и цене решений, которые уже нельзя отложить.

Содержание

Часть первая. ОТЛИВ	4
Глава 1. На берегу	4
Глава 2. Рыбный холод	9
Глава 3. Трос	15
Глава 4. Сухая полоса	19
Глава 5. Потолок	22
Глава 6. Шесть часов до утра	26
Глава 7. Сваи	31
Глава 8. Две ёмкости	36
Часть вторая. ВЫСОКАЯ ВОДА	42
Глава 9. Красная черта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлай Туманов

Белый шов

Часть первая. ОТЛИВ

Глава 1. На берегу

Сначала Вера решила, что брат прислал фотографию рыболовной сети.

На экране телефона лежал серый комоч мокрой верёвки. По нему тянулись белые нити, тонкие, как медицинский шовный материал. Среди нитей виднелась розовая пластинка. Вера увеличила снимок двумя пальцами и узнала ноготь. Ноготь большого пальца, аккуратно срезанный по прямой линии. Под ним не было пальца.

Сообщение пришло в 15:12. Через минуту Антон позвонил.

— Ты где? — спросила Вера.

Он тяжело дышал. Рядом с ним стучало железо, будто кто-то бросал пустые консервные банки на бетон.

— В цеху. На острове.

— Что за палец?

— Это не палец. Слушай, сюда уже едут люди Никиты.

Пусть они не включают насос. Вообще ничего мокрого не трогают.

— Антон, говори нормально.

Брат сказал:

— Я думал, это трос.

В трубке кто-то крикнул его имя. Антон ответил далеко от телефона: «Не наступай!» Затем раздался короткий звук, похожий на хлопок вывернутой перчатки, и связь оборвалась.

Вера перезвонила семь раз. На восьмой попытке автоответчик сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети.

До Белой Косы было сорок три километра. Большую часть дороги занимал старый асфальт между соснами; последние восемь километров — щебёнка, где каждый год проваливались весной грузовики. Вера работала фельдшером на городской подстанции скорой, и за двенадцать лет перестала считать тишину в трубке незначительной неприятностью. Но она также знала цену поспешным выводам. Сначала вызвала диспетчера спасательной службы, передала координаты бывшего рыбного завода «Плавник», рассказала о подозрении на несчастный случай. Потом позвонила Никите Казарину, начальнику бригады демонтировщиков.

Он ответил сразу, на фоне ветра.

— Не паникуй, Вера. У нас проверка оборудования. Антон там с Глебом. Я через двадцать минут буду у завода.

— Он прислал мне фотографию человеческого ногтя.

— Из рыбы чего только не вытаскивали. Старый завод. Гвозди, кости. Скорее всего, плохая шутка.

— Где ты?

— Через двадцать минут буду на косе.

— Я тоже.

— Не надо. Прилив начинается.

Вера уже надевала куртку.

В диспетчерской ей сказали, что ближайшая группа спасателей выехала из районного центра; штормовое предупреждение действовало до утра. У острова не было постоянного населения, а потому сообщение сначала зарегистрировали как пропажу рабочего на опасном объекте. Вера назвала своё имя и служебное удостоверение. Это ускорило разговор, но не машину.

До берега она добралась в 16:26.

Белая Коса оказалась именно такой, какой она её помнила по детству: низкие дюны с серой травой, деревянные столбы, к которым лет двадцать назад привязывали лодки, и узкая насыпная дорога через каменистую отмель. На другом её конце стоял завод: длинный, угловатый, покрытый ржавыми потёками корпус, дымовая труба без дыма, железная вышка и низкие склады с крышами цвета рыбьей чешуи. При отливе к нему можно было пройти пешком. При высокой воде дорога исчезала под заливом.

Рядом с дорожным знаком «Проезд запрещён» стояли две машины: белый фургон демонтировщиков и старый внедорож-

ник. Сигаретный огонёк двигался у капота фургона.

— Вы Вера? — спросил парень в оранжевом дождевике.

— Да. Антон выходил?

— Нет. Я Сева. Нас сюда привёз Глеб, он смотритель. Никита внутри.

Ему было лет семнадцать. Он сцепил пальцы перед собой так крепко, словно боялся, что ветер разнимет руки.

— Телефон работает? — спросила Вера.

— Тут только на холме, если повезёт.

— Почему вы не ищете человека?

Сева посмотрел на завод. За корпусом что-то металлическое протяжно звякнуло.

— Мы искали, — сказал он. — Потом Никита велел отойти от воды.

Вера достала аптечку из багажника, надела её через плечо и пошла по насыпи. Мокрые камни хрустели под ботинками. Вода по обе стороны дороги шевелилась неглубокими тёмными бороздами, как если бы под поверхностью тащили волокушу.

У заводских ворот их встретил седой человек в куртке морского флота. Он держал в руке связку ключей и смотрел не на людей, а им под ноги.

— Глеб Савельевич, — представился он. — Вы зря приехали. Пока сюда можно пройти, надо уходить обратно.

— Антон где?

— Внутри был. Может, в моторном.

— «Может»?

Глеб не ответил. Сева закрыл за собой калитку, но замок не защёлкнул.

Во дворе стояла тележка для рыбных ящиков. На борту белели новые полосы, похожие на известковые потёки. Вера провела пальцем рядом с одной полосой, не касаясь её. Полоса сместилась против ветра, медленно, почти незаметно. Под ней шевельнулась вторая.

— Это что?

Глеб с силой отвёл её руку.

— Не трогайте. И не стойте на мокром.

Вера снова взглянула на завод. Внутри, за грязными окнами, включился свет. Послышался глубокий гул насоса.

Глеб побледнел.

— Всё-таки включили, — сказал он.

Глава 2. Рыбный холод

Главный цех пах не тухлой рыбой, как ожидала Вера, а холодным железом, мокрой древесиной и слабым сладковатым запахом, от которого щипало в носу. От потолка спускались цепи и крюки. Вдоль стен стояли машины, когда-то снимавшие с рыбы кожу. Их лезвия были сняты, но под направляющими сохранились бороздки жира.

Никита Казарин стоял у распределительного щита и спорил с худой девушкой в резиновых сапогах. Вера знала Никиту со школы: тогда он умел за два дня разобрать мотоцикл и за месяц не собрать обратно. Теперь его фирма разбирала старые ангары, и на нём была чистая дорогая куртка поверх рабочей одежды.

— Я сказал — на три минуты! — кричал он девушке. — Нам надо узнать, где забита магистраль.

— Магистраль забита не мусором, — ответила та. — И мы не знаем, что это.

Вера перекрыла им обзор щита.

— Где Антон?

Никита отступил.

— Он пошёл смотреть аварийный слив. Полина, скажи.

Девушку звали Полина Мартынова. Работала гидробиологом в местной лаборатории и приехала оформлять экологический акт: завод должны были снять с кадастра и разобрать до зимы. По словам Полины, утром из сливного канала

извлекли странный ком: переплетённые белые трубочки, от каждой отходило множество прозрачных нитей. В трубочках двигалась вода. Вера показала фотографию.

— Это оно? — спросила она.

Полина не ответила сразу.

— Да. Только ноготь... Его там утром не было.

Гул за стеной усилился. Сливные лотки вдоль пола, ещё минуту назад сухие, начали наполняться морской водой. По бетону поплыли хлопья старой соли. Сева, добравшийся вслед за Верой, остановился у двери.

— Никит, оно идёт по стене.

Вера увидела тонкую белую линию, выползающую из отверстия возле пола. Линия пересекла шов плитки, раздваиваясь на тончайшие волокна. Она была похожа на грибницу, но двигалась не рывками, а ровно, как выдавливаемая из тюбика паста. В одном месте её кончик обвился вокруг болта и подтянул за собой остальное.

Полина схватила ведро с надписью «ПИТЬЕВАЯ ВОДА».

— Отойдите.

Она выплеснула литр воды на плитку. Тонкие волокна свернулись сразу. Белый шов потемнел, словно его обожгли. Через секунду от него потянулись маленькие мутные пузырьки.

— Пресная, — сказала Полина. — У меня утром в банке то же самое получилось.

Никита выругался.

— Откуда это здесь вообще?

— Не знаю. Морское колониальное животное, похоже. Но такого я не видела. Не наступайте на мокрые швы.

Из машинного зала к ним прибежал широкоплечий рабочий по имени Миша. Он нёс на вытянутой руке рабочую перчатку. От манжеты свисали белые нитки.

— Это с троса снял. Оно живое, мать его.

— Положи, — велел Глеб.

Миша бросил перчатку в сухой ящик. Она сразу прилипла к железному днищу. Один из белых жгутов на запястье перчатки потянулся к краю.

— Антона видел? — спросила Вера.

— Внизу он, под холодильниками. Меня послал сюда за ключом от решётки. Сказал, там... — Миша сглотнул. — Там ботинок стоит сам.

— Какой ботинок?

— Пустой. И внутри что-то шевелится, будто пальцы.

Никита повернул рубильник, отключая насос. Гудение оборвалось, но вода продолжала идти по лоткам ещё несколько секунд. В самом дальнем конце цеха звякнул крюк. Затем второй. Между ними натянулась тонкая белая струна.

Миша шагнул к ящику, намереваясь поднять перчатку, и поскользнулся на воде. Вера успела схватить его за плечо. Подошва приподнялась, а вместе с ней отделилась белая масса — слишком плотная для воды. Из щели между подошвой

и резиновым сапогом вытянулись нити.

— Не дёргай, — сказала Полина.

Миша дёрнул ногой.

Раздался сухой треск. Под сапогом остался кусок кожи с каблука, но белые нити уже обвилились вокруг шнурков. Глеб рубанул по ним лопатой, оставленной возле лотка. Они лопнули без крови, с влажным щелчком. Миша упал на спину, отползая и ругаясь.

Вера опустилаcь рядом. Сквозь прореху сапога она видела щиколотку: у края носка кожа была содрана, а выше расплывалась красная полоска, будто след от слишком тугой резинки.

— Можешь наступать?

Он кивнул.

— Тогда наружу. Все наружу, пока это не проверили спасатели.

Никита возразил первым:

— И Антона тут бросим?

— Нет. Я иду за ним. Ты выводишь остальных и сообщашь диспетчеру, что опасность биологическая. Точного вида мы не знаем.

Глеб сказал тихо:

— Машину уже не вывести.

За окнами ярко посеребрилась дорожная насыпь. По её низким участкам перехлёстывала вода. Отлив кончился. Следующий раз дорога освободится только к утру.

У причала что-то тяжёлое ударилось о борт катера.

Глава 3. Трос

До причала Вера, Полина, Глеб и Никита добрались за три минуты. Миша остался в сухом помещении проходной, Сева с ним. Глеб объяснил, что заводской катер стоит у северного пирса; мотор иногда заводится со второго раза, но может вывезти шестерых. Если уйти сразу, ещё хватит светлого времени добраться до берега по защищённой стороне косы.

У причала их встретила женщина лет тридцати пяти, державшая швартовый конец. На спине её штормовки было написано «ДАРЬЯ».

— На лодку не садиться! — крикнула она. — Тут с винтом какая-то дрянь.

Дарья Стрельцова утром привезла Никиту с оборудованием и осталась у пристани разгружать ящики. Услышав по радиации об исчезновении электрика, она подготовила катер к отходу. Пока она развязывала кормовой швартов, верёвка стала неожиданно тяжёлой. Затем на ней появились белые петли. Они двигались по волокнам вверх, цепляясь за мокрую поверхность.

На корме катера лежал гаечный ключ. Дарья подцепила им петлю, подняла над палубой. Петля расправилась, обнаружив множество совсем мелких нитей, и попыталась обернуть ключ. Дарья бросила всё обратно в воду.

— Раньше такого не было, — сказала она. — Я здесь во-

семнадцать лет хожу.

— Можно отрубить конец? — спросил Никита.

— Отрубить можно всё. Винт успело забить, и я его не полезу чистить.

Глеб нагнулся к доскам пирса. Из щелей сочилась вода, а в ней теснились белые волоконца. Он поставил ботинок на сухую балку, схватил за ворот Никиту и оттащил его от края.

— Пирс тоже занят. Идём.

Но прежде, чем они отступили, из-под причала ударил человек.

Это был не удар телом о настил. Сначала между досок показалась рука, стянутая тонкими жгутами, потом голова без шапки. Мужчина смотрел вверх открытыми глазами. Его рот был плотно заткнут белой, похожей на мокрую бумагу маской. Через разорванную щёку наружу выходили такие же нити.

Вера узнала Бориса Зимина, второго сторожа, которого видела на фотографиях работников в деле о демонтаже. Рука ударила по доскам ещё раз, но локоть двигался не так, как мог бы двигаться человеческий. Сначала поднялось предплечье, затем ладонь. Сустав вытянулся под неправильным углом.

— Он живой? — выдохнула Полина.

Вера натянула перчатку из аптечки и попыталась нащупать пульс на запястье. Кожа сквозь перчатку казалась ледяной, а движения руки совпадали с натяжением белой верёвки

под пирсом. Под сухожилиями не было работы мышц. Тело использовали, как набитую вещь.

— Признаков самостоятельного движения не вижу, — сказала она. — Отходим.

Дарья сорвала с пояса сигнальный нож и перерезала одну толстую нить. Рука Бориса упала. Рот открылся, выпустив воду. Она потекла из него долго, будто тело было частью трубопровода.

Глеб стоял неподвижно. Вера посмотрела на него.

— Когда он пропал?

— Вчера ночью.

— Почему ты не сообщил?

— Думал, ушёл на материк. Мы поругались.

— Через воду, когда дорога закрыта?

Ответить он не успел. Катер резко качнулся. Вдоль борта, от носа до кормы, натянулась белая линия. Две другие уже шли от свай к доскам пирса.

— Бежим! — крикнула Дарья.

Они побежали к зданию. Под ногами скрипела щебёнка, и на сухом участке ничего за ними не двигалось. Вера обернулась лишь у ворот. Катер был по-прежнему привязан к причалу, но вода вокруг него казалась затянутой тонкой сетью. Тело сторожа исчезло.

Возле входа Никита остановился и вдруг спросил:

— Глеб, а кто тогда в морге лежит?

Смотритель отвёл глаза.

— Каком морге? — спросила Вера.

— У них тут старая морозильная комната. Я утром видел человека на столе под брезентом. Мне сказали, рыбацкий манекен для учений.

Вера почувствовала, как слова расходятся у неё внутри холодом.

— Туда и идём.

Глава 4. Сухая полоса

На проходной пахло табаком и раскалённым пластиком. Сева сушил у маленькой электропечки перчатки. Миша сидел на табурете, держа ногу на перевёрнутом ящике. На щиколотке у него появилась широкая багровая полоса. Вера промыла кожу из бутылки, проверила чувствительность пальцев, попросила не наступать на повреждённую ногу. Пульс был частым. Температуры пока не было.

— Позвонил? — спросила она Севу.

— Связи нет. Но я залез на караулку, там одна палка была. Сообщение ушло маме, что мы на заводе. Сказал ей звонить спасателям.

Никита настаивал, что нужно вывести Мишу на сухую вышку, откуда можно светить фонарями. Дарья возразила: в дождь и ветер мокрый металл станет лестницей для нитей, если они поднимутся со стен. Полина показала им стеклянную банку с белым комочком, который сжался на дне после нескольких капель пресной воды.

— Если держать без соли, он распадается, — сказала она.
— Но не мгновенно. Мне нужен час, чтобы проверить.

— У нас час есть? — спросил Сева.

Никто не ответил.

Вера развернула схему здания, висевшую рядом с пожарным щитом. Основной цех — на юге, холодильники — на за-

паде, машинный зал — на востоке, между ними — короткий коридор обслуживания. Под западным помещением располагался технический подвал со сливной галереей. Две лестницы вели с первого этажа на сухой верхний переход, связывающий холодильники с башней водяных баков. Если ход в подвал затоплен, Антона можно искать снаружи, но к моменту новой попытки настанет ночь.

— Я пойду по верхнему переходу, — решила Вера. — Никита со мной. Глеб покажет путь. Полина — бери пресную воду, сколько можешь нести. Дарья и Сева остаются на проходной с Мишей и ищут связь. Если мы через сорок минут не вернёмся, не спускайтесь за нами. Передайте спасателям схему.

— А ты точно врач? — спросил Сева.

— Фельдшер. И сейчас мне очень пригодилось бы, чтобы кто-нибудь другой принимал решения.

Они наполнили две пятилитровые канистры из питьевого бака. У Глеба нашёлся лом, у Никиты — строительная рация, связывавшаяся с проходной на коротком расстоянии. Полина прихватила перчатки и прозрачный лабораторный контейнер. Вместо того чтобы идти через главный цех, они поднялись по бетонной лестнице между сухих труб.

На втором этаже было тепло и пыльно. Воздух пах мышами. Сквозь окна виднелись сумерки над заливом. Внизу, по полу цеха, белые полосы тянулись за тонкими ручьями, оставшимися после остановки насоса. Там, где бетон высох,

полосы кончались короткими мёртвыми кисточками.

— Видите? — сказала Полина. — Им нужна вода, не просто сырость.

— И кровь? — спросил Никита.

— Не знаю. Пока они ведут себя как колония фильтраторов. Только очень подвижная.

Глеб шёл последним. На лестнице он дважды обернулся на звук, который не слышал больше никто.

Они дошли до металлической двери с надписью «ХОЛОДИЛЬНИК Б». Из-под нижнего края вытекала вода. Рядом на стене кто-то совсем недавно процарапал отвёрткой стрелку и две буквы: «АН». Вера провела светом фонаря дальше. За стрелкой шла короткая запись: «ВЕРХОМ».

— Он жив, — сказала она.

Из комнаты за дверью пришёл звук. Три удара железом, пауза, ещё два. Антон в детстве так стучал ей в батарею, когда мать запирала его дома за разбитое окно.

— Антон! — крикнула Вера. — Это я!

Стук прекратился. Потом в дверь ударили уже кулаком.

— Не открывай! — закричал брат изнутри. — Над вами! Смотри наверх!

Никита поднял фонарь.

На потолке, между балками, была натянута белая перепонка размером с рыболовную сеть. С неё медленно свисали длинные тонкие петли. Одна, едва заметная, уже касалась капюшона Глеба.

Глава 5. Потолок

Петля с потолка дрогнула. Она была почти невидима в белом луче фонаря, но на фоне ржавой балки Вера различила утолщение на самом конце: маленький прозрачный мешочек, заполненный мутной жидкостью.

— Вниз! — закричала она.

Глеб согнулся слишком медленно. Петля упала ему на воротник, скользнула под ткань и затянулась на шее. Смотритель повалился к стене, шаря руками за спиной. Никита схватил его за плечи, а Вера, не имея возможности добраться до нити, расплескала воду из канистры на его шею.

Белая петля сократилась. Сначала она сжалась сильнее, и Вера увидела, как под подбородком Глеба выступает красная складка. Потом конец лопнул, выпустив холодную слизь, и упал на пол. Глеб закашлялся, цепляясь за воздух. На шее осталась узкая багровая борозда.

— Сюда! — крикнул Антон из-за двери. — К лестнице не возвращайтесь! Там сток.

Из-под двери холодильника вырвался новый ручеек. Вода бежала в сторону лестницы, и потолочная сеть провисала за ним, опускаясь на людей. Полина вылила вторую половину канистры на проход, оставляя между ними и водой сухую дорожку.

— Не трать всё! — прокричал Никита.

— Она держится на мокром! — ответила Полина.

Глеб, хватая горлом воздух, указал на низкую дверцу за трубой. Рядом была табличка «РЕВИЗИЯ ВОЗДУХОВОДА». Под ней на пыльном полу лежала старая стремянка.

— Антон, — крикнула Вера в дверь, — слева от тебя есть люк наверх?

— Есть! Но он за решёткой!

— Ползи к нему. Сейчас откроем с нашей стороны.

Лестница оказалась тяжёлой, со сгнившей нижней ступенью. Никита держал её, пока Вера забиралась к вентиляционной решётке над холодильником. У верхнего края железа стоял старый болт с сорванной головкой. Она попыталась выкрутить его пальцами и надорвала ноготь. Никита поднялся следом, просунул в отверстие конец лома и навалился всем весом. Решётка лопнула с треском.

Внутри воздуховода было темно и сухо. Через пятнадцать метров, по расчётам Глеба, он выходил в техническую камеру над холодильником Б. Пройти мог один человек. Вера сняла аптечку, оставила её Полине и поползла по жестяному дну. Воздух отдавал пылью, каждое движение гремело на весь корпус.

Голос Антона был слышен снизу, совсем близко.

— Вера, ты там?

— Да. Как открыть люк?

— Снаружи шпингалет. Он на проволоке. Я её вижу, но не достаю.

Она нашла шпингалет в свете телефона, потянула. Проволока держала его намертво. Вера перекусила проволоку кусачками из инструментального набора, которые Никита успел передать следом. Металл дрогнул. Когда люк открылся, снизу пахнуло водорослями и тухлым мясом.

В свете телефона показалось лицо Антона. На левой щеке засохла кровь. Он улыбнулся бы, если бы хватило сил.

— Тяжёлая у вас доставка, — сказал он.

— Целый — уже хорошо. Лезь.

Антон держал правую руку прижатой к груди. По рукаву растекалось тёмное пятно. Он подсадил себя на край люка левой рукой, простонал и начал карабкаться. Вера ухватила его за ремень; Никита, проползший за ней, подтянул за плечи. Они трое не поместились в узком воздуховоде. Несколько секунд брат висел между ними, ботинками упираясь в мокрую стену.

Тогда снизу послышалось тяжёлое протяжное шуршание. Антон перестал дышать и задрал голову.

— Быстрее. Оно к стуку идёт.

За его пяткой из темноты вытянулся белый жгут. Не глядя, Вера ударила по нему кусачками. Жгут не разрезался, зато отпрянул. Никита рванул Антона за ворот, и тот, окончательно потеряв ботинок, ввалился в воздуховод. Люк захлопнулся на его пятке. Вера оттолкнула крышку локтем и освободила ногу.

Обратно они ползли почти четверть часа. Антон двигал-

ся медленно, прижимая руку. На вопрос, что внизу, отвечал одним и тем же:

— Сначала выйдем.

Когда они выбрались в сухой коридор, Полина сразу полезла в аптечку. Брат протянул Вере руку. От локтя до запястья её перехватывала грязная повязка из рубашки. Ниже повязки кисть распухла. На внешней стороне ладони под кожей торчал кончик белой нити.

— Это застряло в ране? — спросила Вера.

— Я не вытаскивал. Слишком глубоко.

Он увидел, как она посмотрела на нить, и добавил:

— Оно не растёт внутри меня. Оно цепляется снаружи и тянется к воде. Я проверил. Только не дай ей намокнуть.

Из темноты холодильки донеслось пять тяжёлых ударов. На этот раз это был не Антон. Кто-то бил в металлическую дверь изнутри, размеренно и сильно. При каждом ударе потолочная сеть подтягивалась к петлям.

— Пошли, — сказала Вера.

Антон закрыл глаза.

— Там ещё человек, — сказал он. — Под брезентом. Не ходите к нему.

Глава 6. Шесть часов до утра

К 19:10 завод оказался разделён на два мира. На втором этаже оставались сухие помещения, лестницы и проходы, где можно было сидеть без непосредственной опасности. Внизу, куда за последние часы просочилась морская вода, белые швы соединяли стены, станки и трубы. При остановленном насосе вода всё ещё прибывала: прилив поднимался по старой сливной галерее и выдавливался через лотки. Двери, которые двадцать лет считались водонепроницаемыми, больше не держали.

Антон уложили на деревянную лавку на проходной. Он никак не мог согреться, хотя в комнате работала печка. Вера разрешила повязку. Рана на предплечье была рваной, с неровными краями. От белой нити у запястья шла глубокая борозда до локтя. Вера сняла видимую петлю, не вытягивая то, что уходило под кожу, промыла доступные участки стерильным раствором, закрыла рану чистыми салфетками и наложила свободную повязку. Она не стала вслепую выдёргивать инородное тело из глубокой ткани: такое движение могло повредить сосуд. Брату требовалась хирургическая помощь, а не героизм с пинцетом.

— И что оно? — спросила Дарья.

— Не знаю, — ответила Вера. — Я знаю, чего не надо делать с раной.

Сева принёс аккумуляторную рацию со сторожки. На морском канале слышались обрывки разговора с берегом, но передать своё сообщение не получалось. Антенна на крыше главного корпуса после давнего шторма была повреждена; переносная радиостанция пробивала только до бухты. Дарья показала на схеме площадку над машинным залом, куда ещё можно было добраться по сухому переходу. Оттуда она рассчитывала вызвать портовый пост напрямую.

Никита предложил уходить туда всем вместе. Глеб отказался.

— Высокая вода будет около одиннадцати. Ветер нагонный. Переход снизу зальёт; главное — не спускаться с крыши. А потом до пяти ждать отлива.

— Значит, надо идти сейчас, — сказал Никита.

— Антон не дойдёт, — возразила Вера.

— Дойдёт, — сказал сам Антон и попытался подняться. Его ноги подкосились. Он снова сел.

Вера измерила пульс. Тот был быстрым и слабым. На висках брата блеснул пот.

— Нет, — сказала она. — Он пока остаётся здесь. Ты с Севой проводишь Дарью на площадку, свяжетесь с берегом и вернётесь. До темноты успеете. Если площадка безопасна, переносим всех по очереди.

Глеб неохотно кивнул. Дарья взяла рацию, верёвку, фонарь и ключи. Сева захватил два фальшфейера с аварийного стенда у ворот. Они вышли по сухому коридору и через

несколько минут пропали в лестничном пролёте.

Полина присела напротив Антона.

— Скажи, что ты увидел в холодильнике.

Брат посмотрел на неё с такой усталостью, будто ответ уже стоил ему нескольких часов жизни.

— Мы вскрывали насосную, снимали медь. Под решёткой был толстый канат. Я решил, что старый буксировочный. Ударил ломом, он ушёл назад. Потом из него пошла вода. Глеб увидел и сказал выключать питание. Но Борис прибежал, думал, что мы скрываем какой-то металл. Полез в галерею с болгаркой.

— Борис пропал вчера, — сказал Глеб.

— Я вчера приезжал один. — Антон повернулся к нему. — Вы сказали, он уехал. А в галерее его перчатка была. Сегодня я вернулся проверить. Нашёл его утром. Дверь холодильника открыл, а внутри... там висели стеллажи на нитях. И Борис. Я закрыл дверь, но оно уже шло за мной. Успел запереться в Б.

— Что за человек под брезентом? — спросила Вера.

— Это старый проходчик. Николай. Он работал на заводе до нас. Я нашёл его паспорт в вагончике. Дата рождения пятьдесят второго года. Дальше... — Антон помолчал. — Его привязало к крюкам. Руки отдельно от туловища. Я накрыл, потому что не хотел смотреть. Потом вода поднялась, и брезент начал двигаться.

Глеб опустил на табурет. Долго молчал. Потом тихо

произнёс:

— Николай здесь с понедельника.

Вера посмотрела на него.

— Вы знали о трупе?

— Он пришёл ловить крабов. Я ему говорил не лезть к коллектору. Утром нашёл его у слива. Думал, утонул, потом увидел эти нитки. В одиночку не вытащить, лодка сломана. Когда появился Никита с договором на разборку, я решил... сперва разберёмся, что за мерзость. А утром уже будет милиция, эксперты.

— Трое суток? — спросила Вера. — Вы прятали тело трое суток?

Глеб поднял глаза.

— Я испугался, что завод закроют раньше, чем я получу деньги за сдачу металла.

— Теперь закроют, — сказала Вера. — Если будет кому объяснять почему.

Полина взяла пробирку с колонией и поднесла к свету. Белый клубок медленно разворачивал щупальца. Через прозрачные стенки было видно, как в нём ритмично сокращаются маленькие полости.

— Оно не просто охотится, — сказала она. — Оно перекачивает воду сквозь себя. Похоже на фильтрующее животное, только образующее общую сеть. Когда насос включён, оно получает поток. Когда насос отключён, тянется туда, где вода сама течёт.

— Нам какая разница, что оно ест? — спросил Никита, возвращаясь за инструментом.

— Большая, — ответила Полина. — Оно идёт за течением и ударами. Если перестанем греметь на мокром металле и перекроем солёную воду, оно не сможет двигаться к нам через сухие комнаты.

В это время в радиоразговоре, шедшем с верхней площадки, появился голос Дарьи. Слова дробились помехами:

— ...берег слышит... спасатели... погодное окно... не раньше утра...

Никита схватил рацию.

— Дарья, повтори. Можешь передать координаты и количество людей?

— Девять... точнее, восемь живых... передала... ветер растёт... — Голос оборвался. Потом пришёл крик Севы: — Не спускайтесь по северной лестнице!

Следом рация зашипела.

Глава 7. Сваи

Дарья вернулась одна.

Она появилась в проходной в 20:06, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. По левой стороне её лица тянулась свежая царапина. Она прижимала к груди рацию, из которой продолжало идти пустое шипение.

— Где Сева? — сразу спросила Вера.

— На площадке. Никита с ним. Я ушла за канистрами.

— Почему связь пропала?

— Мы вышли на береговой пост. Нас слышали, приняли координаты. Сказали: при нынешнем ветре катер из гавани не выйдет, а вертолёт до рассвета тоже не обещают. Велели держаться выше воды. Потом на северной лестнице кто-то уронил лестничную секцию. Она упала с такой силой, что я решила: нас хотят отрезать. Мы сверху увидели... — Дарья зажмурилась, собираясь. — Вы видели Бориса. Там ещё двое, возле старых свай. Они не ходили. Их таскали по воде, как поплавки.

— Люди? — спросил Антон.

— Один был в жёлтом костюме с лодки. Старый. Второй — не знаю. У одного вместо лица сетка. Я не рассмотрела.

Полина встала у окна. Северные сваи с проходной не проматривались, зато были видны чёрные линии волн, подхлывавшие к стене.

— Может ли эта штука залезть на сухую площадку? — спросила Дарья.

— По сухому бетону она пока не шла, — ответила Полина. — Но конденсат на металле ей подходит. Нужна целая мокрая дорожка.

— Значит, площадка под дождём уже не сухая.

Эта мысль изменила их план. Они собирались переждать ночь на крыше, но по ржавому железу, залитому дождём, белые нити могли подняться вслед за людьми. Комната проходной имела плюсы: бетонный второй этаж над складом, узкие сухие лестницы, закрываемые двери, запас питьевой воды и электрическую печку. Минус был один: стоки под полом.

— Нам нужна высота и сухое место одновременно, — сказала Вера.

Глеб указал на башню чистой воды.

— Там два пожарных бака. По двадцать пять кубов каждый. Башня на бетонных ногах, верх утеплён. От корпуса есть мостик, его разобрать можно только со стороны башни. Если путь чистый, пересидим ночь.

— И если нити доберутся, — сказал Никита по рации, — окажемся в тупике.

Голос его теперь пробивался яснее. Сева сообщил, что они нашли на площадке сухой шкаф с резервным аккумулятором. Заряда хватит на несколько коротких передач. Никита распорядился не тратить его без необходимости и попросил прислать людей за инструментами для подъёма на башню.

ню.

Вера собрала вещи. Мишу с его повреждённой ногой посадили на складную тележку и закрепили ремнями; Никита обещал перенести его через мостик на спине там, где тележка не пройдёт. Печку выключили, чтобы не оставлять бесконтрольный прибор. Полина упаковала банку в два пакета. Глеб принёс из подсобки шланг пожарного рукава и короткий топор.

— Зачем рукав? — спросил Антон.

— В баках пресная вода, — ответила Полина. — Это единственное, что у нас точно на неё действует.

— Если там вода есть, — уточнила Дарья.

Глеб удивлённо посмотрел на неё.

— Я проверял неделю назад. Баки полные.

Когда они вышли в верхний коридор, запах водорослей стал сильнее. Снаружи стучал дождь. Внизу по бетонным лоткам плыли белые клубки; они цеплялись друг за друга и расходились в стороны, словно у них не было центра.

Никита встретил их на площадке у лестницы. Сева стоял за ним, обеими руками удерживая переносную рацию. В свете аварийной лампы лицо мальчика казалось детским.

— Мы видели, как они тянули человека, — сказал он. — Я сначала думал, спасти надо. Никита удержал.

— Ты правильно сделал, что остался здесь, — ответила Вера.

— Нет, — сказал Сева. — Я не о том. Человек показал

рукой. Я уверен, он просил помочь.

Вера вспомнила сторожа Бориса под пирсом.

— Иногда тело двигается уже не само.

Сева сжал челюсти, но ничего не сказал.

До водяной башни оставалось сорок метров открытого мостика. Его настил был металлическим, дождь шёл поперёк ветра. Слева за перилами открывалось море. Справа виднелась высокая труба котельной и разгрузочная рампа. Мостик лежал почти в двадцати метрах над землёй. Снизу доносилось ритмичное шуршание — как если бы тысячи сухих пальцев перебирали струны.

— По одному, — сказала Дарья. — Никто не бежит.

Они отправили Севу первым с пустыми руками. За ним Полину с водой. Потом Антона между Верой и Никитой. Закрыкали Глеб и Дарья: между ними, почти не опираясь на больную ногу, шёл Миша. На узкой решётке тележку пришлось оставить у лестницы.

Посередине мостика Антон остановился. Вера почувствовала, как брат стал тяжёлым на её плече.

— Что?

— Внизу.

Она посмотрела сквозь решётчатый настил. Между ржавыми балками, далеко под ними, на трубах висели тела. Их было не меньше шести; часть давно превратилась в обрывки одежды и кости, часть выглядела свежей. Белые нити удерживали каждую фигуру в одном положении. Вера не могла

понять, где у этой конструкции начало. Самые толстые жгуты уходили в стену завода, туда, где под уровнем моря работал коллектор.

Внезапно всё внизу дёрнулось одновременно.

Сквозь настил ударила струя солёной воды. За ней поднялись два белых жгута, каждый толщиной с палец. Один обмотался вокруг поручня, второй присосался к решётке у ботинка Антона.

— Назад! — крикнул Никита.

Но назад означало пройти по мокрому настилу прямо над тянущимися нитями. Полина, добравшаяся почти до башни, обернулась и бросила Вере канистру. Вера подставила её под удар, сорвала крышку зубами и плеснула воду под ноги. Жгут скрутился, но другой уже перехватил рукав Глеба.

Смотритель ударил топором по белому шнуру. Волокна разошлись, словно разрезанная рыболовная сеть. Глеб отступил; одна прядь осталась на его запястье. Он дёрнул за неё другой рукой — и из-под кожи вышло несколько капель крови.

— Не тяните! — закричала Вера.

Глеб уже побежал. Дарья успела удержать Мишу у перил и велела ему не делать ни шага. Мостик качнулся. Над их головами порыв ветра сорвал кусок кровельного железа. Лист ударил в башню с таким грохотом, что белая масса под настилом вся одновременно потянулась вверх.

Глава 8. Две ёмкости

Последний метр мостика они преодолели почти ползком.

Дарья захлопнула железную дверь башни. Никита и Глеб втолкнули в скобу тяжёлый засов. В двери было окошко из армированного стекла; через него виднелись мокрые решётки мостика. На решётках быстро возникали всё новые белые нити, будто с той стороны поднимался иней.

Лестница вверх состояла из двух маршей. Башня внутри была чистой, с сухими стенами, выключенными светильниками и двумя огромными баками за ограждением. На их боках были нарисованы чёрные цифры «1» и «2». Ниже стоял насос, который когда-то подавал воду в противопожарную магистраль. Глеб повернул вентиль на одном из баков. Из маленького сливного крана ровно потекла прозрачная вода.

— Есть, — сказал он.

Полина подставила банку с белым клубком. Вода попала на колонию, и та сложилась внутрь себя. На этот раз Полина оставила банку неподвижной. Через несколько минут жгуты побелели сильнее, почти непрозрачно, и разошлись по стенкам мягкими хлопьями.

— Мёртвое? — спросил Сева.

— Пока не скажу. Нужно смотреть потом. Но быстро двигаться оно перестало.

Вера обрабатывала руку Антона, пока Никита с Дарьей осматривали выход на крышу. Башня была примерно вдвое выше остального завода; на верхней площадке стоял старый прожектор, а с северной стороны находилась лестница для технического обслуживания. Эта лестница уходила вниз к земле, но нижние шесть метров были спилены. Рядом оставалось кольцо крепления для троса. Если дойти до башни без мостика, требовалась подъёмная техника; если уйти с башни — верёвка и крепкие руки.

— Мы в ловушке? — спросил Сева.

— Мы в помещении с водой, высотой и связью, — сказала Дарья. — Это лучше, чем мокрый цех.

Глеб молча стоял у второго бака. Он держал окровавленное запястье, не давая никому его осмотреть. Вера подошла сама.

— Покажи руку.

Под манжетой обнаружили три тонкие раны. Белой нити внутри видно не было. У края одной ранки стояла капля прозрачной слизи. Вера осторожно промыла кожу и закрыла стерильной повязкой.

— Ты спускался к коллектору до этого? — спросила она.

Глеб несколько секунд собирался с ответом.

— Давно. Когда завод ещё работал, мы спускались ежедневно. Там две линии: одна от берега, одна от моря. Морскую используют для промывки. Пресную — для пожара. Когда в девяностые меняли трубы, нашли под решёткой белое наростное мясо. Все думали, губка. Вырубили, сожгли. Потом его не было лет десять.

— Почему вернулось?

— Я открыл шлюз две недели назад. Для проверки, перед приёмкой демонтажных работ. И включил старый насос. Внизу пошёл хороший напор. Потом появились белые волоски на сливах.

Полина положила банку на чистый стол.

— Значит, колония жила в море и ждала течения, — сказала она. — При открытии шлюза получила постоянный путь

внутри.

— Слишком быстро выросла, — заметил Антон.

— Может, она была здесь всё это время, только не в наших помещениях. Мы не знаем ни скорости роста, ни жизненного цикла.

Снаружи о дверь ударилось нечто тяжёлое. Второй удар был ниже первого, третий пришёлся в самое стекло. По нему скользнула бледная рука с раздутыми пальцами. Кожа на тыльной стороне была порезана тонкими диагоналями.

Сева вскрикнул и отступил.

— Борис, — произнёс Глеб.

За стеклом виднелась голова сторожа. Он не мог стоять на мостике: ноги свисали с края, подтянутые нитями. Тем не менее рука снова ударила по стеклу. Лицо медленно прильнуло к нему, и Вера увидела изнутри рта белые волокна, сцепленные с зубами. На виске у Бориса висел клочок водорослей.

— Оно привязало его к мосту, — прошептала Полина.

— Нет, — ответила Вера. — Оно использует его как крюк. Стекло оно не видит.

Засов выдержал. Борис скользнул вниз, оставив на стекле мокрую полосу.

Никита направил луч фонаря на дальнюю стену. С потолка по трубам спускались новые тонкие нити. Внутри башни, выше баков, уже образовались небольшие белые островки.

— Откуда? — спросил он.

Полина провела фонарём по потолку. Снаружи через плохо загерметизированную шахту вентиляции капала дождевая вода. Капли падали на трубу, соединённую с системой, где оставалась солёная промывочная вода. Тонкая влажная дорожка вела прямо в башню.

— Закрыть шахту, — сказала Вера.

Дарья поднялась на площадку, положила на отверстие крышку от старого электрощита и придавила тяжёлым ключом. Сверху продолжал стучать дождь.

Вера осмотрела потолок. Пять-шесть нитей ещё шевелились возле трубы. Она сняла маленький рукав с пожарного крана, открыла вентиль и направила струю на место, куда выходили нити. Они сжались, разошлись на хлопья и упали на пол. Вода ушла в нижний слив, отгороженный сеткой.

Вера закрыла кран. Все стояли молча, слушая, как капает с труб.

— Вот что мы сделаем, — сказала она наконец. — Закроем каждую солёную трубу, которую можно закрыть. Проверим мостик. Пусть пожарная вода идёт только тогда, когда понадобится. И дождёмся спасателей.

Глеб кивнул.

— В теории достаточно просто перекрыть морской затвор.

— Где он?

— Внизу, под холодильником. Внутри коллектора.

Никита тихо выругался.

— Значит, его никто не перекроет.

Антон, лежавший у стены, поднял голову.

— Электропривод затвора выводится в моторное, — сказал он. — Я видел кабель. Если питание вернуть, можно попробовать закрыть с пульта.

Все посмотрели на него.

— Проблема, — добавил брат, — что пульт я сам вчера разобрал. Он стоял в воде. Клеммник спёкся.

Часть вторая. ВЫСОКАЯ ВОДА

Глава 9. Красная черта

В 21:17 Миша начал кричать от боли.

Сначала он уверял, что просто свело ногу от холода. Потом попросил снять сапог. Вера разрежала резину ножницами: щиколотка распухла так, что сапог невозможно было стянуть. По коже тянулась красная полоса, похожая на ожог верёвкой. Вокруг неё появились тонкие белые точки. При прикосновении Миша вздрагивал всем телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.